

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ И ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

И. А. Стернин

Воронежский государственный университет

Фундаментальные исследования университетских ученых — традиционное направление их научной деятельности. Для ученых, занимающихся фундаментальными проблемами науки, практическая реализация полученных ими результатов обычно не находится в центре их внимания — по крайней мере, если можно констатировать некоторое абстрактное применение полученных результатов в практике или учебном процессе, этого ученому обычно достаточно.

От фундаментальных исследований и нельзя требовать выраженной практической направленности. Практическое применение полученные результаты могут найти через многие годы, когда результаты войдут в контекст какой-либо новой теории, позволяющей реализовать разработанные постулаты на практике.

Однако возможности применения результатов филологических научных фундаментальных исследований, на наш взгляд, гораздо выше, чем обычно полагают ученые. Это связано, с одной стороны, с тем, что филологи обучают языку, поэтому исследования в области языка прежде всего могут быть применены в процессе обучения; с другой стороны, результаты исследований лингвистов имеют значительную популяризаторскую, культурологическую и общекультурную ценность, они могут найти широкое применение в популяризаторской работе филологов.

Покажем эти возможности на опыте работы кафедры общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского госуниверситета.

В течение длительного времени темой научно-исследовательской работы кафедры общего языкознания и стилистики является исследование *современного языкового сознания*. По этой проблеме кафедрой выпущено 9 межвузовских сборников, несколько монографий, защищен ряд диссертаций.

Языковое сознание — это часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании.

Система языка хранится в языковом сознании. Языковое сознание носителя языка образовано лексическими и грамматическими значениями слов и форм, которые выступают как психологи-

чески реальные (осознаваемые или неосознаваемые) знания человека о своем языке. Языковое сознание, однако, не исчерпывается только этими знаниями — оно включает для носителя языка также сведения об используемом им языке (и о других языках), истории и современном состоянии родного языка, его функциях, сложности, представления о его основных категориях (род, число, падеж, время, наклонение, синонимия, антонимия, стилистическая характеристика языковых единиц и др.), эмоционально-оценочное отношение к языку и т.д.

Языковое сознание может изучаться и описываться на двух уровнях — традиционно-лингвистическом или психолингвистическом.

Уровень *традиционно-лингвистического описания* языкового сознания предполагает описание того, что *есть* в языке, что уже зафиксировано в текстах, словарях и устной речи, что устоялось, определилось и является общепринятым. Подобный подход призван охватить описанием все явления языка, все элементы языковой системы, направлен на то, чтобы максимально подробно инвентаризировать явления языка. Традиционная, классическая описательная лингвистика изучает язык как систему единиц и правил их употребления. Результатом традиционного лингвистического подхода является обобщенное описание значений и употреблений языковых единиц и структур в отвлечении от психологии говорящего человека и психологической реальности выполняемого описания. Данный подход априори исходит из того, что языковые значения в сознании народа таковы, как их описали, к примеру, лексикографы в словарях.

Уровень *психолингвистического описания* языковых фактов отражает результаты экспериментальных исследований, в частности, выполненных с помощью различного рода ассоциативных экспериментов и многочисленных других экспериментальных процедур (методика интервьюирования, метод субъективных дефиниций, интерпретационный эксперимент, методика семантического шкалирования, методика ранжирования, свободной классификации и др.), которые позволяют выявить и описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в каком они реально присутствуют в языковом сознании носителей языка.

Оба уровня описания правомерны и дополняют друг друга в моделировании системы языка. При этом представляется очевидным, что достоверность традиционно-лингвистического описания повысится, если оно будет обобщать результаты психолингвистического описания.

К примеру, стилистической характеристике лексики и фразеологии посвящено много работ. Но при этом достаточно дробная и дифференцированная стилистическая классификация лексических единиц постоянно является предметом полемики лингвистов и лексикографов: это слово разговорное или просторечное, просторечное или жаргонное, вульгарное или разговорное, литературное или литературно-разговорное и т.д.

Традиционно лингвисты выделяют стилистически нейтральную (межстилевую) лексику, которая употребляется во всех разновидностях как письменной, так и устной речи. На фоне стилистически нейтральной лексики обычно выделяются слова книжные и стилистически сниженные.

К *книжной лексике* относятся и некоторые другие разряды слов. Разновидность книжной лексики — лексика высокая. Сюда же относят научную лексику, официально-деловую и публицистическую. Книжные слова определяют как используемые преимущественно в письменной речи, в устном непринужденном общении они обычно выглядят неуместными.

Сниженную лексику образует в первую очередь разряд разговорных лексических единиц, а также жаргонизмы, общенациональный жаргон — сленг, просторечную и грубо просторечную лексику, а также вульгарные, грубые слова, сквернословие.

Обычно отмечают, что как книжная, так и разговорная лексика являются принадлежностью литературной формы общенационального языка; иногда выделяют в отдельный разряд литературно-разговорную лексику и разные более конкретные разряды сниженной лексики. Словом, стилистическая классификация лексики довольно сложна.

Проведенные нами экспериментальные исследования, направленные на описание языкового сознания носителей языка [1], показывают, что сознание носителей языка содержит картину стилистической дифференциации лексики, отличную от выстроенной лингвистами на основе детального описания стилистического значения различных типов слов. Реально языковое сознание носителей языка различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления:

литературную лексику, т.е. лексику культурную, куда входят книжная, научная, официально-деловая лексика и часть традиционно выделя-

емой разговорной лексики (так называемая литературно-разговорная); литературная лексика может быть использована в любой ситуации, как в устной, так и в письменной речи; эта лексика допустима в публичной речи, в общественном месте и в средствах массовой информации; среди нее языковое сознание иногда выделяет лексику специально-книжную — редкие, малоизвестные для широкого круга носителей языка научные и специальные термины типа *предикат*, *генотип*, *инсталляция*, *психоделический* и т.д.;

разговорную лексику, т.е. часть сниженной лексики, допустимую преимущественно в устной речи между своими, в узкой компании близких, хорошо знакомых и равноправных в общении людей; сюда же входят общенациональный жаргонная лексика, сленг и просторечие. Разговорная лексика не принята к официальному употреблению в общественных местах, в официальной речи, не предназначена для использования в средствах массовой информации; она не предназначена для использования в письменной речи, любое ее сознательное употребление в названных сферах носит намеренный, экспрессивный характер и должно быть мотивировано, «оговорено» особыми коммуникативными условиями, коммуникативной ситуацией, употребление такой лексики за пределами ее коммуникативной сферы должно быть как бы «заклучено в кавычки»;

ненормативную лексику, включающую значительную часть сниженной лексики, в том числе грубо-просторечную, собственно грубую (вульгарную) и нецензурную; эта лексика рассматривается как нежелательная в общении, оскорбляющая собеседника, негативно характеризующая говорящего и поэтому исключаемая из публичного употребления в общественных местах.

Среди ненормативной лексики языковое сознание достаточно рельефно выделяет два разряда — *грубую* или *вульгарную* и *нецензурную*. Если употребление грубой лексики допускается только в предельно узких коммуникативных сферах, среди близких людей (при этом морально осуждается), то нецензурные слова принципиально не допускаются к употреблению при наличии слушателей и могут быть использованы говорящим только «себе под нос» или в отсутствие слушателей («в поле твоя воля» — русская народная поговорка).

В проведенных нами экспериментах на определение стилистической отнесенности слов испытуемые практически не затруднялись при распределении предъявляемого им списка разностилевых слов по данным трем группам, а также оказывались способными прокомментировать сферы употребления предъявляемых им разностилевых

слов, достаточно легко оперируя предложенными им терминами *литературное, разговорное, ненормативное (грубое)*.

В связи с этим предлагается признать, что в языковом сознании носителей русского языка реально разграничиваются именно эти три основных стилистических разряда лексики: литературная, разговорная, ненормативная. Языковое сознание рядового носителя языка достаточно отчетливо делит единицы по стилистической принадлежности на эти три основные группы.

Данное обстоятельство приводит к выводу о целесообразности использования в практике формирования культуры русской речи у широких слоев носителей языка трех терминов, поскольку они достаточно прозрачны и понятны рядовому носителю языка:

литературное — значит, правильное, культурное, это можно и сказать, и написать (данное обозначение понятно носителям языка с точки зрения известного им термина «литературный язык», т.е. правильный, культурный);

разговорное — слово *разговор* в сознании рядового человека связывается именно с неофициальным общением, неофициальной ситуацией общения;

ненормативное — значит, нарушающее нормы, выходящее за пределы норм, выходящее за пределы допустимого, так говорить нельзя.

Именно на это стилистическое деление лексики целесообразно опираться при объяснении стилистических ограничений в употреблении того или иного слова:

это слово литературное, культурное, его можно употреблять везде;

это слово разговорное, менее культурное, его можно употреблять между своими;

это слово ненормативное, некультурное, грубое, «при свидетелях» его употреблять не рекомендуется.

Деление единиц языка на литературные, разговорные и ненормативные (грубые), понимается, относительно — не всегда можно сказать точно, к кому из этих разрядов относится то или иное слово или выражение, но это связано, как показывает исследование, не с дефектом самой классификации, а с неточностью и субъективностью представлений общества о том, что такое культурно и некультурно, что грубо и обижает собеседника, а что не обижает (к примеру, грубость «между своими» русским сознанием допускается, допустимо также воспользоваться ненормативной лексикой, если тебя «довели»).

Поэтому в процессе формирования культуры речи изучающих русский язык надо прежде всего объяснять носителям языка, что в обществе является культурным, а что нет. Надо объяснять,

что нельзя обижать собеседников, даже если они с тобой на короткой ноге. Уточнение этих понятий позволит людям легче усвоить и слова, соответствующие описываемым ситуациям.

Опора на полученные экспериментально данные о языковом сознании рядового носителя языка дает исследователю более адекватную картину организации и устройства языковой системы, чем традиционно-лингвистическое описание.

Полученные результаты были включены нами в подготовленные на кафедре учебные пособия «Общее языкознание» (Воронеж, 2004), «Введение в языкознание» (Воронеж, 2004; изд. 2, 2006), в подготовленные пособия по культуре речи для нефилологов («Русский язык и культура речи», «Культура речи: Практикум»).

Полученная стилистическая классификация лексики успешно используется при ответах на вопросы читателей и радиослушателей в регулярных разделах, посвященных русскому языку в газетах «Коммуна» и «Воронежский курьер», а также в еженедельной радиопрограмме «Территория слова». Практика работы воронежской телефонной «Службы русского языка», опыт ответа на вопросы радиослушателей в прямом эфире в радиопередачах «Территория слова» и «Диалоги о словесности» на Маяке-24, использование данной классификации в колонках о русском языке в областных газетах «Коммуна» и «Воронежский курьер» показывают, что такие стилистические объяснения понятны людям, удовлетворяют их и не вызывают дальнейших вопросов.

Предложенная методика может быть использована для экспериментального определения и уточнения стилистической характеристики слова как единицы системы языка. Кроме того, очевидно, следует сократить количество стилистических помет в словарях, опираясь на выделенные три основных стилистических разряда, вычлениваемых в языковом сознании рядового носителя языка.

Определение ненормативной лексики, полученное в результате проведенных нами экспериментов, ложится в основу проводимых кафедрой лингвистических экспертиз по судебным делам, используется в преподавании лингвокриминалистики в рамках одноименной специализации, осуществляемой кафедрой.

Концептологические исследования языкового сознания, проводимые кафедрой, также находят прямое применение в практике обучения русскому языку. Исследование *языковых концептов* позволяет получить реальное представление о языковом сознании носителя языка, о его содержании и структуре. На основании получаемых описаний языковых концептов вносятся коррективы в содержание и методику обучения языку.

К примеру, Е. О. Атлановой под нашим руководством был проведен эксперимент по определению содержания концепта *новое слово* в современном русском языковом сознании. Информантам предлагалось закончить фразу: *новое слово — это ...* (метод субъективной дефиниции). Данный прием позволяет получить существенную информацию о восприятии, содержании и трактовке данного концепта когнитивным сознанием. Было опрошено 150 человек, получено 310 реакций.

В результате была построена полевая модель концепта *новое слово*, которая имеет следующий вид:

ядро — не знаю значения 148;

ближняя периферия — слово, которое я не употребляю в речи 24; заставляет задуматься о содержании 21; заимствованное из другого языка 16; обозначает новый предмет 13;

дальняя периферия — появилось в языке недавно 8; представлено типичным представителем (жвачка, менеджер, блокбастер, альтернатива, модернизация, аутлук, концепт) 7; принадлежит к терминологии; слово, имеющее разные лексические значения 5; представляет собой непривычное звуко сочетание; редко употребляется 4;

крайняя периферия — принадлежит к сленгу; возникает с прогрессом жизни, науки, техники, промышленности; не получило лексикографическую фиксацию в словарях; старое слово, звучащее по-новому 3; требующее специальных знаний для понимания значения; ни с чем не ассоциируется 2; обозначает явление новой сферы деятельности; старое слово, звучащее по-новому; вызывает сложность в сочетаемости с другими словами; принадлежит к жаргону; является варваризмом; является диалектизмом 1.

Полученные данные свидетельствуют, что при обучении русскому языку необходимо исходить из того, что языковое сознание рядового носителя языка новым словом считает прежде всего не недавно вошедшее в язык слово, как этот термин понимают филологи, а как слово, которое субъективно ему, носителю языка, неизвестно.

Теперь становится понятно, почему наличие большого количества новых слов вызывает в обществе раздражение: не столько потому, что эти слова, к примеру, приходят из иностранных языков, и даже не потому, что их очень много появилось за короткий период времени, а потому, что рядовой носитель языка *перестаёт* понимать значительную часть употребляемой лексики.

Следовательно, необходимы прежде всего словари новых слов с объяснением их значений, а не с описанием источника происхождения, бук-

вального значения в языке-источнике и т.д. Кафедрой подготовлен в связи с этим словарь-минимум «Иностранные слова», толкующий значение наиболее употребительных новых слов.

Л. А. Тавдгиридзе (2005) исследован концепт *русский язык*. Была использована методика направленного ассоциативного эксперимента: *русский язык — какой?* В эксперименте приняло участие 1790 испытуемых, получено 7190 реакций. Когнитивная интерпретация результатов эксперимента позволила построить полевую модель концепта *русский язык*, которая имеет следующий вид:

Ядро

богатый 1125; *красивый* 846; *сложный* 808; *выразительный* 502; *родной* 497;

Ближняя периферия

грубый 279; *интересный* 277; *хороший* 234; *доступный* 225; *благородный* 224; *международный* 219; *великий* 203; *народный* 174; *нужный* 165; *школьный предмет* 154; *старый* 131; *умный* 123; *звучный* 117; *могучий* 101;

Дальняя периферия

необычный 76; *культурный* 54; *удовлетворительный* 51; *свободный* 50; *используемый известными писателями и поэтами* 44; *средство общения* 43; *непонятный* 43; *точный* 40; *понятный* 37; *связан с русской природой* 37; *универсальный* 24; *используемый известными русскими людьми* 22; *живой* 21; *веселый* 21; *используемый рядовыми жителями России* 20; *засоренный* 19; *чувственный* 16; *громкий* 15; *на нем написаны известные произведения художественной литературы* 10; *часть быта* 10; *радость* 10;

Крайняя периферия

используется страдающими людьми 8; *неприятный в звучании* 8, *выражает нравственные ценности (идеалы)* 6, *официальный* 4, *диалективный* 2.

Наиболее заметными в структуре концепта являются утилитарная (40 %) и оценочная (22 %) зоны. Признаки *сложный* и *красивый* из этих двух зон входят в ядро концепта — факт, который в когнитивных исследованиях наблюдается достаточно редко.

Необходимо также отметить, что содержание концепта включает противоречивые характеристики: *русский язык* концептуализируется как *чистый* 24 и как *засоренный* 19, как *нецензурный* 193 и как *культурный* 41, *литературный* 13, как *непонятный* 43 и как *знакомый* 28, *известный* 3, как *сложный* 808 и как *доступный* 225.

Данные признаки в содержании концепта

обусловлены возрастными, социальными, гендерными или чисто индивидуальными особенностями носителей языка.

Достаточно велика яркость чувственных образов в структуре концепта (14 % от всех признаков). Подчеркнем, что выявленные образы формируются всеми пятью органами чувств, что является достаточно редким явлением для абстрактного концепта. Заметна в структуре концепта мифологическая составляющая — великий, могучий (20 % всех признаков), но эти признаки не входят в ядро, оставаясь в рамках ближней периферии концепта. Конкретное содержание у этих ярких признаков практически отсутствует, преобладает позитивная оценка.

В целом в концепте «русский язык в русском когнитивном сознании» ведущую роль играет эмоционально-прагматическое содержание интерпретационного поля концепта. Концепт «русский язык» в современном русском языковом сознании выступает как преимущественно оценочный, причем как двуоценочный с ярким преобладанием положительной оценки. Положительная оценка в структуре концепта характерна для 63 % когнитивных признаков, отрицательная оценка — для 17 %, неоценочные признаки составляют всего 20 % от общего числа признаков.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что носители русского языка «эмоционально любят» свой родной язык, знают, что он нужен, но при этом устойчиво считают его сложным и отмечают в нем многочисленные противоречивые характеристики. Это объясняет отношение к русскому языку как преимущественно к предмету гордости, а не как к реальному инструменту общения, которым нужно владеть практически и в котором надо совершенствоваться.

Эти данные подтверждаются и данными проведенного нами лонгитюдного эксперимента — опроса жителей Воронежа с перерывом 10 лет.

Е. В. Масловой был проведен телефонный опрос жителей города Воронежа.

Опрос проведен дважды с перерывом в 10 лет (1993 и 2003 гг.), что позволило выявить существенную динамику представлений россиян о культуре русской речи и связанных с ней проблемах. Вид опроса: стандартизованные телефонные интервью. Выборка: 500 респондентов (из них женщин — 295, мужчин — 205, людей с высшим образованием — 115 человек). Место проведения: город Воронеж. Дата проведения: сентябрь 1993 года, сентябрь 2003 года.

Перед респондентами были поставлены следующие вопросы:

1. *Считаете ли Вы, что в последнее время наблюдается падение речевой культуры?*

2. *Как Вы реагируете на речевую культуру окружающих?*

3. *Считаете ли Вы, что по речи можно судить об общей культуре человека?*

4. *Получили ли Вы достаточные знания по культуре речи?*

5. *Всегда ли Вы в своей речи стараетесь соблюдать языковые нормы?*

6. *Необходимы ли Вам дополнительные знания в области культуры речи?*

7. *Если Вам необходимы такие знания, то что бы Вы предпочли: радиопередачи по культуре речи, тематические передачи по телевидению, чтение специальной или популярной литературы, занятия на специализированных курсах?*

8. *Считаете ли Вы, что необходимо тестирование на знание родного (русского) языка при приеме на работу?*

Результаты исследования продемонстрировали следующие тенденции.

Если в 1993 г. две трети опрошенных замечали падение речевой культуры, то в 2003 г. лишь каждый четвертый признает это, а две трети не замечают падения речевой культуры в обществе. Речевая культура в обществе за это время в такой степени явно не повысилась, что свидетельствует о тенденции *привыкания населения к низкому уровню речевой культуры окружающих*.

Заметно снизилось число респондентов, которым приятно, когда говорят культурно и которые негативно относятся к некультурной речи — с 42 % в 1993 г. до 27 % в 2003 г. С 38 до 52 % выросло за 10 лет число людей, для которых культура речи окружающих безразлична. Таким образом, заметно *возросло безразличие людей к культуре речи*.

При этом число людей, которые считают, что речь отражает общую культуру человека, почти не изменилось — 65 % и 62 %. Таким образом, люди признают, что речь является показателем культуры человека, но к *отсутствию культуры речи относятся безразлично*.

Незначительно возросло количество респондентов, полагающих, что ими получены достаточные знания по культуре речи в школе, несколько снизилось число людей, считающих, что они получили достаточные знания по культуре речи в вузе, но эти колебания следует признать несущественными. Примерно *половина респондентов удовлетворена своими знаниями в области культуры речи*, что также должно настораживать — реальный уровень культуры речи нашего населения весьма далек от того, чтобы признать, что у половины населения нет проблем с культурой речи.

Устойчивой оказалась доля респондентов, которые стремятся в своей речи соблюдать нормы культуры речи (около 30 %); таким образом, лишь каждый третий носитель языка старается следить за своей речью (хотя неизвестно, в какой степени это удается); более 40 % затруднились ответить на этот вопрос, что также симптоматично — *люди не думают о том, как они говорят.*

Те, кому нужны сведения по культуре речи, предпочитают получать их наиболее пассивным способом — из радио- и телепередач; количество тех, кто готов читать специальную литературу, снизилось с и без того небольшой цифры 22 % в 1993 г. до 12 % в 2003 г. Правда, появилась группа респондентов (5 %), которые хотели бы пройти специальные курсы по культуре речи — это, очевидно, свидетельствует о появлении определенной группы населения (менеджеры, рекламные представители и др.), для которых культура речи становится профессиональным требованием.

Уменьшилось и число респондентов, которые считают, что необходимо тестирование уровня знания родного языка для некоторых профессий — снизилось число тех, кто считает, что надо тестировать работников сферы обслуживания, преподавателей, работников других специальностей; лишь незначительно увеличилось число людей, признающих важность тестирования дикторов, теле- и радиоведущих. Следовательно, требовательность людей к культуре речи окружающих снизилась и по данному показателю.

Таким образом, проведенные опросы и результаты других исследований демонстрируют настораживающие тенденции: люди явно *привыкают к низкой культуре речи окружающих, принимают ее за норму, снижают требователь-*

ность к чужой и своей речи, признают свой собственный уровень культуры речи достаточным, не требующим совершенствования.

В отношении к русскому языку, как уже отмечалось выше, рядовые носители языка в своей массе демонстрируют эмоциональную приязнь, сочетающуюся с отсутствием желания его серьезно изучать и совершенствоваться в нем.

Данные выводы свидетельствуют о необходимости разработки проблемы мотивации носителя языка к изучению и совершенствованию своих знаний в русском языке.

В связи с этими и другими проведенными исследованиями нами был выдвинут *мотив успешности деятельности* в современном обществе для мотивации носителей языка к изучению русского языка. Данный мотив, как показывает практика, признается значительной частью населения, и на его базе можно побудить людей совершенствовать свои знания в родном языке. На основе данного мотива был разработан предмет «Культура общения» для воронежских средних школ (1—9 классы), который преподается в Воронежской области как предмет региональной компетенции.

Итак, фундаментальные исследования языкового сознания дают богатый материал для повышения эффективности обучения родному языку.

Литература

1. Стернин И. А. Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании / И. А. Стернин // Русский язык сегодня. — М. : Институт русского языка РАН, 2006. — С. 518—529.
2. Тавдгиридзе Л. А. Концепт «русский язык» в русском языковом сознании : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Тавдгиридзе. — Воронеж, 2005.